ИЗ ДНЕВНИКА РЕЖИССЕРА

«ЕСТЬ У МЕНЯ ТАКОЕ ЧУВСТВО...»

В театр пришел новый главный режиссер.

Нередко так бывает, что дела в коллективе не ладятся. Недовольным зрителям. Не удовлетворяют критиков. Словом, сложный и тонкий «механизм» не работает так, как мы бы работать.

Профессия актера собирает вместе людей очень разных характеров. Театральная труппа — подчас это целый мир взаимоисключений. Где-то глубоко скрытых. Где-то до предела обнаженных.

Главный режиссер отвечает за все. За репертуар. За то, чтобы каждый работал увлеченно, радостно. С полной отдачей творческих сил. За то, что называется сегодня моральным климатом в коллективе. Чтобы все в бою трудились товарищи, единомышленники, спаянные общей целью, общей болью, в конечно, великой любовью к сцене.

Сергей Кузьмин пришел главным режиссером в Рязанский театр в самое для этого театра время.

В те дни, осенью прошлого года, корреспондент «Советской культуры» попросил его вести краткий дневник: «Несколько строчек... В не обязательно каждый день».

Сегодня мы публикуем часть этих записей. Быть может, они не только заинтересуют читателей, но и выполнят у кого-то этакое дерзкое желание о том, как обстоят дела в других творческих коллективах.

Сергей КУЗЬМИН

Зарисовки К. Андреева.

ВПЕРВЫЕ в Рязань. Симпатичный, словно умытый дождем город. Много зелени.

Иду осматривать театр. Труппа в отпуске. Сбор через десять дней.

Сейчас театр пуст. Фасад обветшал. Сонный дежурный вытаращил посмотрел на нас. Отличный зрительный зал. Великолепная акустика. Но сцена в ужасном состоянии. Цехи заброшены старыми декорациями.

Возвращаемся в управление культуры. Рассказываю о состоянии дел в театре, актерах, репертуаре. Прощаемся. В тот же вечер возвращаюсь в Москву.

Министерство культуры РСФСР. Откуда-взялось от Рязанского тюза. Советуют подумать.

Снова еду в Рязань. До сбора труппы семь дней. В театре нет завлитчасти литературной и художественно-постановочной частью. Нет очередного художника. Нет заместителя директора. Не хватает восьми актеров. Нет заведующего педагогической частью. Нужен новый репертуар.

Беседа с секретарем обкома комсомола Александром Ножкиным: «Я городу, а области нужен большой и умный театр для молодежи. Театр — учитель. Театр — друг. Неужели вас пугают трудности? Вам обязательно вместе...»

Ночь. Пустой вагон поезда. Не могу уснуть: «Неужели меня в самом деле страшат трудности? А когда же не были? Когда сделал выпускные экзамены в режиссуре театрального? Когда учился в институте рыбной промышленности? Или когда во мне любви к театру решил кроить поменьше профессию, которую у Ролана Быкова в студенческом театре МГУ?

Разве легко было учиться у Юрия Александровича Завадского в ГИТИСе? А два года работы ассистентом режиссера у Ивана Павловича Охлопкова? Разве было это время сплошь усыпано розами?

В чем же дело? Может быть, постарел друзьям? Устал? Неужели раньше больше верил в свои силы? И, не задумываясь, был готов мчаться работу в любых новых условиях?

Жизненный опыт. Человек платит за него бессонными ночами, здоровьем, сединой на висках. И приходит это порой вместе с сделавшая тебя тем поступки осторожность.

Кажется, совсем недавно ты мог сразу принять решение уехать на Дальний Восток. И уехал. Мог, не мучаясь долго сомнениями, согласиться возглавить там крупный драматический коллектив. Мог без особых раздумий уйти работать в цирк.

Просто считал, что это интересно, что для режиссера это великолепная школа.

Неужели так уходит молодость?..

Снова Министерство культуры РСФСР. Слушают очень внимательно. Обещают помочь. Соглашаюсь. Буду искать, с кем ехать в Рязань.

Предлагаю москвичу Сергею Ларионову стать завлитчастью и литературным завом. Знаю его больше десяти лет. Сергей был актером. Поступил в ГИТИС на режиссерский факультет. Окончил. Работал в Ленинграде. Уволен литературным трудом. Сейчас заканчивает Литературный институт.

Читаем с Сергеем в Москве ворох пьес.

Приглашаю работать в Рязанский тюз двух актеров и двух актрис из Ульяновского драматического театра. Познакомился с ними еще в прошлого года, когда ставил там спектакль. Понравились друг другу. Обязываюсь в Москве взять друзей и выбить для них в Рязани звездный заведующий постановочной частью. Ответ почти одинаков: «Ишь чего захотел!» Но все-таки ищу и через пару дней знакомлюсь с Вячеславом Щепетильниковым. Он окончил Щепинское училище. Да училища перепробовал кучу профессий. Прекрасный актер!» до стрим. Мечтает о режиссуре.

Итак, едем в Рязань втроем.

Прочел в театральном журнале «Пьесы». Сообщены, Ждем пьесы. Надежда Лерина, Зоя Самсонова, Борис Токарев, Анатолий Абрамов».

Завтра сбор труппы. Что сказать актерам?

Нужно узнать и понять людей. Почувствовать атмосферу в коллективе. Разобраться в ней. Понять актеров, найти с ними общий язык — это самое главное. Самое важное. Ведь как можно скорее определить, что необходимо сделать в первую очередь.

Среди актерского состава театра две трети женщин. Много.

Люди в коллективе разобщены, не связаны общим делом. Нет настоящей творческой дисциплины. Именно творческой. А вокруг меня, приглядываются. Ждут.

Предстоит обновить фасад театра — внутренние помещения, заменить все электрооборудование сцены. Требует ремонта круг.

Думаем перепланировать закулисную часть и цеха. Тогда получим шесть новых помещений.

Я, Ларионов и Щепетильников пришли к секретарю обкома комсомола Александру Ножкину. Обещает помощь комсомольцев города в ремонте театра. Обсуждаем будущий репертуар: «В поисках радости» Розова, «Е списках не значился» Васильева, «РВС» Гайдара. Обговариваем новый облик театра: «Берем часть сцены». Это дает возможность расширить репертуар театра. Это дает для всей жизни коллектива.

Общее собрание коллектива. Делюсь своими впечатлениями. Слушают настороженно.

Когда в театр приходит новый руководитель, нередко начинаются «репрессии». Что-то «увольняется», и порой таких немало: новому руководству нужны люди для «серии».

У меня такое чувство, что ждут «репрессий» и здесь.

Очень заметно, что ждут индивидуальных бесед. Видимо, думают, что буду выяснять, в кто — как? Кто о чем думает? Кто к кому как относится. И, по-моему, готовят к такому разговору. Даже ожидают его. Напрасно. Такого разговора не будет. И «репрессий» тоже не будет.

А вот относительно дисциплины пришлось сразу давать тобовский разговор. Опоздания. Хотя делать это я нелегко: ведь в роли в положении изнуряемого лица.

Чувствую, некоторые мне говорят: «С нас требуют. Указывает. Объясняет, что и как должно быть. А самто он что из себя представляет? Что умеет?»

И думаю: так, возможно, не только по лиии творческой: «А спектакли-то он ставить умеет?» Завышают к нам административные, организационные требования. Не доверяют? Говорунов-то мы всякие видели. И не таких еще...

Иногда все это очень ощущаешь. Но надо работать. И делаешь вывод, что не в каждом ряд взгляд, которым при тебе так многозначительно обменялись. Стараешься не обращать внимания на отдельные выпады. Не спорю. Слово, на все то наносное, что пока есть где-то там, в глубине, под водой что ли. Главное — заработаться в это дело. Трудно это. Ведь кое-кто даже представлял ремонт театра воспринимает восемь своеобразно: «Нам-мем ремонт, а репертуарить новые пьесы, в играть где? Ремонт в наше время штука сложная. И не скоро. Одним словом, новых спектаклей идем в этом году не поставить. А год гладишь, и пройдет. И дела вроде бы какие-то в нем будут»...

Есть и такое.

Иногда в задаю себе вопрос «А что говорят в театре?» Некоторые, наверное, думают: «Мы здесь столько лет трудились. А тут пришли какие-то парни-москвичи. В общем-то молодые, зеленые. И начинают учить нас, как работать и жить. Да еще пижонство какое-то — ходят в жару в рубашках при галстуках! И раздражают, наверное, кое-кого эти бабы рыбушки с галстуками. Есть у меня такое чувство. Только мы сознательно ходим в будние дни в рубашках и при галстуках. Хоть и жара безумная.

Впрочем чисто по-человеческии все это гадо и можно понять. Ведь как, или сказал, такое рассуждает: «Я тут сколько лет? И почему я этого нового главного сразу возьмобить обязан? И почему я должен думать, что для меня его начальство представило, значит, он действительно хороший режиссер, хороший руководитель? Я сам свое мнение хочу о человеке составить...»

Такую позицию некоторых и я, и Ларионов, Щепетильников чувствуем, видим.

Есть и еще один подводный камень. До приезда в Рязань я никакого отношения к театру юного зрителя не имел. Работал в драме, в кукольном, в народном театре. Ставил в драме. Оказывается, моя работа режиссером в цирке вызывает у некоторых усмешку: «Ну-ну, только вы в цирке и ставили».

А в своей работы в цирке не скрываю. Не стыжусь. Нет, специально свою биографию всем не рассказываю. Однако слышит информацию обо мне собирают в театре окольными путями довольно активно. И здесь, в Рязани, и через знакомых в Москве. И чтобы порой повлечки тоже можно понять: что кто-то, кому-а прислали в театр «варлоек со стороны».

Приглашен я сюда прямо с партии. Сказано четко: общественная жизнь в театре оставляет желать много лучшего. Партийная и комсомольская организации работали недостаточно.

Создать подлинно творческую обстановку в театре. Сделать так, чтобы люди поверили друг к другу лучшими чертами своего характера. Чтобы стороны раскрылись и проявились полнее.

Сегодня заседал художественный совет. Пришли все: и на театра, и на города. Все вопросы решены по-деловому. Не спорили. Стал благодарить присутствующих, пошутил. В ответ услышал: «Странно как-то... Давайте, я не буду возражать». Но прошлый раз в три ночи кончился. Издергался все, перепутается. А сегодня все так спокойно обсуждали. Даже с юмором... Просто не верится...»

Мелочь, казалось бы. Но пришлось говорить с ней с актером. С каким-то волнением. А с некоторыми и довольно резко: «Ваш внешний вид, в котором вы появляете в театр, далек от того вида, в котором актер может проходить в театре».

Пришлось даже привести один пример. Я не упомянул фамилии. Но все поняли.

Во Владивостоке гастролировал театр из Петропавловска-Камчатке. Премьера. И в этот день — тайфун. Жуткий.

Билеты все проданы, и в зале — двадцать человек. Потому что выйти на улицу невозможно. И помню, как в был совершенно потрясен: когда в зрительном зале собрались все актеры, не занятые в спектакле. Как они смотрели на актеров, и до сих пор не знаю. Потому что выйти на улицу на гостиницы, где они жили, было невозможно. Но они пришли. Актрисы были в вечерних платьях. У них были шелковые розовые рубашки, белые блузки в строгих костюмах, белоснежных сорочках. Это было изумительно! Тут и трогательная забота о творческом. И уважение к не труду. И преданность искусству театра.

Беседа в обкоме партии. Принимает секретарь обкома Владимир Николаевич Шестополов. Расспрашивает о планах. Интересуется, какая нужна помощь.

В театр пришли новые люди. Нужны жильцы. Для ремонта театра необходимы дополнительные строймотерриалы.

И снова говорим о будущем репертуаре.

В театре создан строительный отряд. Нужно положить фундамент нового помещения. Вырыть ямы. Вывезти землю. Заполнить ямы бутовым камнем. А всего двое рабочих. Возьмем бы почти и ямы делать. Нельзя. Нельзя в театре организовали «начпорарбк». Сами эти такие скоротечки. И каждую субботу — с утра и до ночи. Это минимально комсомольцы театра во главе со своим секретарем Светой Гузниковой. Разукрасили здание лозунгами: «Отчего и почему? Помощь Щепетильникову!» — он у нас огневый прораб стройки...

Кто поставит, тоже не стоит в сторону. Да и как мерить, если в нем, в спектакле, и каждый песенкой вместе с билетерами и уборщицами замешо на носилках, вместе с актерами орудуют лопатами. Нельзя этого не заметить. Нельзя пройти мимо.

Начали работу над спектаклем «В поисках радости». Репетиции в разгаре.

Четыре дня репетировали так: фойе репетировано надвое. В одной части идет репетиция, в другой — ремонт. Пыль, грязь, стуки. А потом тихо: засмотрелись на работу актеров штукатуры: «Интересно!»...

Приехал Кирилл Андреев. Знакомы с ним лет десять. Он долгое время был очередным художником в Центральном детском театре. Оформлял спектакли по произведениям Пушкина, в Воронежском тюзе, в Красноярске, в Астрахани. Сидит с ним в разгороженном фойе. Стоит. Смотрит. А потом тихо: засмотрелись на работу актеров штукатуры: «Интересно!»...

Приехал Кирилл Андреев. Знакомы с ним лет десять. Он долгое время был очередным художником в Центральном детском театре. Оформлял спектакли по произведениям Пушкина, в Воронежском тюзе, в Красноярске, в Астрахани. Сидит с ним в разгороженном фойе. Стоит. Смотрит. А потом тихо: засмотрелись на работу актеров штукатуры: «Интересно!»...

Спектакль «В поисках радости» готов. Репетиционный зал превращен в квартиру Самсоновых. Вход в зал — это и вход в квартиру. На дверях табличка «Сквонком звонить три раза». Поставили кресла для зрителей. Шестьдесят мест. Ждем. Первый раз для актеров — метро. Обязанности. Ждем. Ждем. Ждем